

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

=====

М О Л О Д О С Т Ъ

Литературно-творческий альманах

ПОСВЯЩАЕТСЯ 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

Т о м с к
ноябрь 1967 года

ОБ АЛЬМАНАХЕ "МОЛОДОСТЬ"

Выпуском данного альманаха кафедра литературы решила продолжить хорошую традицию прежних лет. Традиция эта возникла в конце 30-х годов в связи с рождением альманаха "Молодость". Один из сохранившихся номеров, относящийся к тому времени, датирован 1940-м годом ... Через 20 лет, в 1960-м году "Молодости" вновь возвращают жизнь. Будем надеяться, что нынешний номер альманаха поспособствует утверждению этого возвращения.

"Молодость" 1967 года посвящается 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Участниками альманаха являются выпускники, студенты и сотрудники института.

Все они являются людьми разных поколений, разных склонностей, различными путями идет их творчество. Но всех их связывает искренняя любовь к литературе, к поиску. На страницах юбилейной "Молодости" можно встретить имена профессиональных писателей и начинающих поэтов, опытных литераторов и авторов-любителей.

В юбилейном выпуске выступают прежние активисты "Молодости" - Юрий Стрехнин и Николай Попов, Георгий Ельцов и Владимир Досекин. Все они - выпускники 1940 года. А рядом с ними и наши дебютанты - студентки-второкурсницы Лидия Капа и Тамара Липухина.

К участию в юбилейном выпуске "Молодости" причастны не только литераторы. В альманахе публикуются материалы историка Георгия Вдовенко, математика Льва Пичурина, биолога Николая Тюменцева. Но все эти материалы тесно связаны с

литературой ее своеобразием, её историей.

Значительная часть материалов посвящена нашему родному краю - Сибири, нашему родному городу - Томску. Знакомясь с этими материалами, узнаешь об интересных событиях, о замечательных людях, судьба которых неотрывна от нашей родной сибирской земли. А люди эти - Галина Николаева и Аркадий Гайдар, Мария Октябрьская и Илья Шуклин.

Тема Сибири в материалах юбилейной "Молодости" неотрывна от героико-исторической темы, связанной и с Великой Октябрьской революцией, и с гражданской войной, и с Великой Отечественной войной.

В нашем альманахе представлены рассказы, очерки, стихотворения. Одни из них написаны мастерами-профессионалами, имеющими цепкую творческую "хватку". А о некоторых кто-нибудь, вероятно, может сказать лирико-юмористическими словами Александра Твардовского:

Я не то еще сказал бы, -

Про себя поберегу.

Я не так еще сыграл бы, -

Жаль, что лучше не могу.

Но во всем, что есть в нашем альманахе, чувствуется искренность любого автора, трепетное отношение к тому, что им изображается. Это характерно и для 35-летнего профессора и для 18-летней студентки. Именно эта молодость чувств созвучна самому названию нашего альманаха.

Советская родина прошла свой первый полувековой юбилей. В какой-то мере некоторые вехи 50-летнего пути отражены и в материалах участников данного альманаха.

И если это отражение будет интересно для читателей "Молодости", то авторы и издатели ее получат удовлетворение от своего труда.

ЮРИЙ ЕЛЬЦОВ,

ассистент кафедры литературы, редактор-составитель альманаха

В праздничном выпуске альманаха "Молодость" участвуют :

Руслан БЕЛОНЕНКО

Георгий ВДОВЕНКО

Ольга ДЗЮБЕНКО

Владимир ДОСЕКИН

Георгий ЕЛЬЦОВ

Лиция КАПА

Илья КУЗНЕЦОВ

Тамара ЛИПУХИНА

Евгений ОСОКИН

Лев ПИЧУРИН

Николай ПОПОВ

Светлана РОСТОВА

Анатолий САУЛОВ

Юрий СТРЕХНИН

Николай ТОМЕНЦЕВ

РУСЛАН БЕЛОНЕНКО

Лирическая тема в различных вариантах наиболее характерна для стихотворений Руслана Белоненко / р.1939/. Молодой поэт выступал на страницах центральной газеты "Сельская жизнь", городской и районной печати.

Внимание читателей альманаха предлагается два стихотворения преподавателя литературы 50-й школы, выпускника филологического факультета Томского пединститута Руслана Белоненко.

РОДНИКИ

7

У России дивные глаза :
Вот ресницы - тонкая лоза,
А под ними, словно в колыбели
Звезды гаснут, вздрагивают ели,
Светятся ромашки перламутром,
Плещется заря прохладным утром,
Дальнего поселка огоньки,
Ведь глаза России - родники.
В тишине под кронами осин
Кто не целовал в них неба синь ?
Освежив лицо прохладой синей,
Ты благодарил глаза России.
А потом, хоть с бурею гроза,
Хоть сто тысяч раз дожди косые:
Вспоминались светлые глаза,
Снились родники моей России.

НЕЗНАКОМКА

Незнакомая, светлая, чистая
Ты однажды вошла в нашу комнату,
И смеющимся взглядом своим,
И платочком от снега седым,
Сердце странной тревогой наполнила,
Озарила вдруг светом лучистым.
Будто в капле воды родниковой,
Жизнь увидел совсем по-иному ...
Ты однажды вошла в нашу комнату,
Только жаль не ко мне, а к другому.

Георгий Вдовенко / р. 1905 / по профессии историк. В течение ряда лет он работает над темой "Коммунистические отряды-части особого назначения /ЧОН/, их роль в подавлении политического бандитизма в Восточной Сибири". Его работа представляет интерес и для литератора: вещь среди имен, о которых упоминает и рассказывает исследователь, мы находим имя крупнейшего советского писателя Аркадия Гайдара, боевая юность которого проходила и в наших краях.

Заведующий кабинетом истории КПСС Томского пединститута Георгий Вдовенко свои материалы о Гайдаре публиковал в краевых и областных газетах Красноярска, Барнаула, Хабаровска, Томска, Иркутска. В нашем альманахе представлен один из этих очерков.

ВСАДНИК, СКАЧУЩИЙ ВПЕРЕДИ

Несколько лет я работаю над темой "Борьба с бандитизмом частей особого назначения /ЧОН/ в Сибири". Просматривая архивы бывшей Енисейской губернии, я в нескольких документах заметил одну и ту же фамилию - Голиков. То он именуется комбат Голиков, то начальник второго боевого участка Ачинского уезда. Из ранее известных мне документов я знал, что борьба с бандитизмом в притаёжной полосе этого уезда затянулась надолго - вплоть до 1922 года. Появление нового человека, да еще командира второго боевого участка, в этом уже было связано несомненно, с усилением бандитизма.

Так кто же такой Голиков ?

Просматриваю пыльные, пожелтевшие от времени папки. Сведения предельно скудные: комбат Голиков сообщил: 55 бандитов появились в районе с. Болье Озеро. Командует ими матерый беляк Родионов. Высылаю разведку. В другом документе снова та же фамилия, снова краткое сообщение о действиях отряда. И, наконец, в партийном архиве Красноярского края обнаруживаю характеристику, выданную комсомольцу Голикову Аркадию Петровичу. Оказывается комбат Голиков, он же начальник второго боевого участка Ачинского уезда, это и есть замечательный советский писатель Аркадий Петрович Гайдар.

Понятно хотелось выяснить до мельчайших подробностей эту страничку из жизни прославленного уже в те годы героя гражданской войны. Но, к сожалению, архивные документы

рассказывали немного. Но рассказывали все таки важное!

Шел 1922 год. С белогвардейщиной было уже покончено. Самозванный правитель Сибири Колчак наше себе могилу в Иркутске. Но недобитое отребье / бывшие каратели, эсеро-меньшевицкие прихвостни / кое-где еще поднимали голову. Авантюристы, потерявшие честь и Родину, собирали вокруг себя уголовные элементы, кулачество, еще пытались навредить молодой Советской власти.

Приближалась весна. Местные Советы в первую очередь заботились о том, чтобы успешно провести посевную кампанию. Бедняки, батраки, впервые получившие землю, обращались за помощью в местные Советы. Было дано указание обеспечить семенами все бедняцкие семьи. По весенним дорогам потянулись обозы с хлебом. На них то и обрушились бандиты. Цель их была ясна - сорвать сев.

Вот краткие сообщения из архивов тех лет. " В деревне Кадач убит коммунист Елифер Леонтьев. Забрано 80 пудов хлеба", "Банда Соловьева в деревне Леновой захватила 8 лошадей".

Бандиты, грабили, убивали партийных и советских активистов, терроризировали местное население. В некоторых волостях Ачинского уезда даже невозможно было проехать уполномоченным райкома партии из села в село.

И вот в это время в конце февраля в Красноярск приехал Аркадий Голиков. Ему шел тогда восемнадцатый год. Высокий, стройный, в кожаной куртке, с маузером через плечо, выглядел он по-боевому. Но русский мягкий чуб выбивался из

под папахи, по-юношески озорные глаза выдавали его возраст. В штабе округа долго и внимательно просматривали его документы, и конечно же, старых воинов, прошедших горнило двух войн, удивил юный комсомолец. Он воевал уже на Кубани, Тамбовщине, в Башкирии, окончил курсы красных командиров, командовал полком.

- Что же, товарищ Голиков, дело вам найдется, и нелегкое. Поедете в Ачинский уезд командиром батальона ЧОН, - сказали ему в штабе.

До глубокой ночи засиделся новый комбат, знакомился с донесениями разведки, изучая карту уезда. Дело действительно предстояло нелегкое. В уезде орудовало несколько хорошо вооруженных банд. Бандиты действовали осторожно, в открытый бой не вступали, базы свои устраивали в непроходимых таёжных дебрях и хорошо маскировали их. Кулаки в то время открыто уже не выступали, но исподтишка все-таки поддерживали бандитов, сообщая им о продвижении отрядов ЧОН.

- Значит выход один - привлечь на борьбу с бандитизмом местное население, бедняков, середняков. Местные жители пожалуй знают бандитские тропки и скорее выявят тех, кто встречает беляков хлебом-солью, - рассуждал в эту ночь комбат.

По оперативным сводкам значит, что Аркадий Голиков вскоре из Красноярска выехал во второй боевой район, штаб которого располагался в селе Ужур. Очевидно в штабе он долго не задержался. 31 марта он уже доносит: " Выехал в с. Божье Озеро, со мной пятнадцать бойцов, вооруженных винтовками, одним пулеметом.

Это был большой риск. В том районе орудовали банды Со - ловьева и Родионова, в первой было полста штыков, во второй сорок конников. Но, видимо, Голиков решил напасть на свежий след и, не дожидаясь подкрепления, начал боевую операцию. Однако бандитов в этом селе не оказалось. Разведчики сообщили Голикову, что в деревне Ново-Покровской бандиты забрали 8 лошадей, 10 пудов муки и скрылись в тайге. Голиков решил, что банда ушла в направлении верховья реки Накурт и поспешил туда, взводу Телеванова приказал продвигаться в улус Касуп. Бандиты явно уклонялись от боя и лишь второго апреля их все-таки окружили. Завязалась перестрелка. Голиков вместе с бойцами двигался в цепи. Видя, что кольцо сжимается, бандиты бросились врассыпную.

Во второй половине апреля Голикова назначают уже на - чальником второго боевого участка. В его распоряжение передают отряды Васильева и Козлова. Голиков готовит новую операцию, завозятся боеприпасы. В одном из донесений сообщается, что в участок Голикова 30 апреля направлена группа медицинских работников.

Днем и ночью ведется разведка. Адьютант Голикова Галеев / из местных жителей, татарин / почти каждый день выезжает в отдаленные села, формирует группы разведчиков из местных жителей. Возвращаясь поздно ночью, он подробно докладывал начальнику обо всем, что узнал от крестьян.

Тускло светит тряпичный фитиль в глиняной плошке. Голиков наносит на карту боевую обстановку, раздумывает. В отрядах много необстрелянных бойцов, а вот бандиты из беляков оружием владеют неплохо, биться будут на смерть.

Редкий снимок Аркадия Гайдара.

- В ударные группы надо подобрать наиболее обстреляных, - обдумывает комбат и делится своими соображениями с адъютантом Галеевым.

- Это шибко хорошо думаешь, начальник, - резюмирует адъютант. - Гайдары в таких делах должны быть по-нашему.

- Как ты сказал ? Гайдары ? Кто это такие ? - спрашивает Голиков.

- Это по нашему конник, храбрый шибко, наперед всех идет.

Так, так, значит, Гайдар, наперед всех ... хорошо сказано ... Гайдар...

Трудно конечно утверждать, но все-таки можно предположить : не вспомнился ли этот разговор Аркадию Петровичу, когда он подписал свою первую корреспонденцию всевдони - мом Гайдар.

Комбат Голиков оказывал большое доверие своему адъютанту Галееву. Так, например, 18 апреля начальник боевого участка Голиков с двумя отрядами, возглавляемыми командирами Козловым и Васильевым, выбыл в район реки Черный и Белый Уюс для поисков и ликвидации банды кулаков, оставив своим заместителем адъютанта Галеева.

В первой половине мая Голиков установил точное расположение неуловимой банды Соловьева. Бандиты базировались в Шариповском районе. О бое с этой бандой сохранилось очень лаконичное донесение: " 14 мая кавалерийский эскадрон под командованием Сергеева и его помощника Протопопова окружил банду Соловьева. Убито 19, наши потери - 3 человека, 15 раненых".

Вскоре после этого боя ликвидирована банда Штонакова, 47 ее участников сдались в плен.

Затем следуют сообщения о том, что Голиков со своими бойцами побывал в болотистых, еле проходимых поймах речушек Черный и Белый Уос, побывал в таёжных улусах Саралинском и Покровском.

В августе 1922 года состоялось заседание Ачинского уездного комитета партии. На этом заседании Голиков доложил о боевых операциях на своем участке. В отчете помещено, что начальник просил подкрепление для борьбы с бандитизмом в Курбатовской волости /Назаровский район/, вы- сказал опасение, что бандиты могут сорвать заготовку хлеба. Подкрепление было послано в количестве 75 чоновцев.

После этого заседания в оперативных донесениях и других документах фамилия начальника второго боевого участка комбата Голикова мной не обнаружена.

Из воспоминаний сестры Голикова известно, что Аркадий Петрович тяжело заболел, некоторое время лечился в военном госпитале в г. Томске, потом попросился на учёбу.

Вопрос о посылке на учебу Голикова разбирался на бюро Енисейского губкома комсомола. Вот что говорится в характеристике, выданной Аркадию Петровичу. " ... А.П.Голиков, начальник второго боевого участка, бывший командир двадцать третьего запасного полка, командир Нижегородского полка, состоит членом комсомола с августа 1918 года. За время четырехлетнего добровольного пребывания в частях Красной Армии занимал ответственные посты, задания данные ему, выполнял с успехом.

В настоящее время губернский комитет комсомола отмечает проведенную работу по укреплению Красной Армии, просит дать ему соответствующую аттестацию и оказать содей-

стве при поступлении в Академию генерального штаба РККА, чтобы он смог получить законченное военное образование:

В "Горячем камне" Аркадий Петрович писал:

" Это ли еще ... не счастье ? И на что мне иная жизнь, когда и моя прошла трудно, но ясно и честно? "

Пределльно скупые строчки в пожелтевших от времени архивах раскрывают все-таки нам еще одну маленьку страничку из трудной и честной жизни писателя, воина, коммуниста, отдавшего жизнь за Родину.

Он таким и остался в памяти народной, Гайдар.

Стихотворения Ольги Дзюбенко / р. 1944 / часто посвящены теме Сибири, сибирской природе. Некоторые из них публиковались на страницах районной печати и многотиражной газеты нашего института.

Студентка 2-го курса заочного отделения филологического факультета Томского пединститута, литературный сотрудник газеты в г. Петровске-Забайкальском Читинской области Ольга Дзюбенко выступает в альманахе "Молодость" с двумя лирическими миниатюрами.

МАРЬИН КОРЕНЬ

Грациозно листики развесив,
 Алый-алый в теневых завесах
 Марьин корень жется на поляне,
 Посреди кустов в густом бурьяне.
 То ли Марья тебя посадила,
 То ли Марья по лесу бродила
 Может, Марья цветы собирала
 И тебя, яркий цвет, отыскала ?
 Видно Марья была красавица,
 Коль цветок ее людям нравится,
 Коли Марья в цветок превратилась
 И в цветке красотой сохранилась.

Б Е Р Е З Ы

Березы нагие,
 Стыдливые,
 А взгляды у них
 Горделивые.
 Станы не гнут
 Прямострогие.
 Стоят на снегу
 Босоногие.
 Их небо синит
 Переливисто
 Да ветер целует
 Порывисто.

Литературно-журналистская деятельность Владимира Досекина / р.1914/ связана преимущественно с историко-патриотической темой. Подвигам наших земляков посвящена его книга "Томичи в боях за Родину".

В настоящее время он на преподавательской работе в г. Пенза. Кандидат исторических наук, полковник Владимир Досекин представлен в данном альманахе фрагментом из книги "Томичи в боях за Родину". Впервые в альманахе "Молодость" он участвовал в годы учёбы на филологическом факультете Томского пединститута, выпускником которого он и является.

ТОМИЧИ В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

Перед советскими воинами была поставлена задача - остановить врага. В приказе Верховного Главнокомандующего это было выражено в короткой фразе - "Ни шагу назад". Коммунистическая партия и Советское правительство призвали воинов беспощадно уничтожать фашистов, стойко оборонять каждый рубез, а трудящихся в тылу - утроить усилия, бесперебойно снабжать фронт оружием и боеприпасами. Трудящиеся тыла и воины на фронте понимали, что над страной снова нависла смертельная опасность. Пехотинцы и танкисты, артиллеристы и летчики, саперы и связисты, рядовые и сержанты, офицеры и генералы, сознавая свой долг перед народом и страной, проявляли беспримерную боевую доблесть и мужество.

Враг встретил сокрушительный отпор советских войск. Вот некоторые из многочисленных фактов героизма советских воинов. Гвардейцы полковника Утвенко обивали атаки 150 танков, пехоты и десятков самолетов врага. За один день они уничтожили 50 танков, истребили сотни фашистов. 38 бронебойщика во главе с коммунистом Ковалевым приняли бой с 70 танками и сотнями автоматчиков. Фашисты окружили советских воинов, но они с еще большей решимостью бились с врагом. Герои сожгли и подбили 27 танков, уничтожили 150 фашистов и вышли победителями из этой схватки. Все 38 советских воинов остались живыми и невредимыми.

Под Сталинградом отличились соединения сибиряков под командованием генерала Л.Н. Гуртьева, полковников Батюка и Сологуба. В составе этих дивизий сражались многие воины-

томичи. Здесь же находилась стрелковая бригада Героя Советского Союза сибиряка М.С. Батракова, отличившаяся в боях 1941 года под Смоленском и Москвой.

Бои шли на подступах к Сталинграду, фашистская авиация с утра до ночи бомбила расположение наших войск. Дивизия полковника Батюка отходила на новый оборонительный рубеж. Надо было оторваться от противника и произвести перегруппировку частей. Прикрыть маневр было поручено батарее, которой командовал лейтенант Илья Захарович Шуклин, наш земляк. В жестоких боях батарея понесла серьезные потери. В ней осталось несколько орудий. Фактически исправным было лишь одно противотанковое орудие.

Командир дивизии поставил боевую задачу перед И.Шуклиным. С одним орудием и горсткой бойцов лейтенант должен был сдержать на несколько часов натиск врага. Было ясно, что именно здесь пойдут танки немцев, их надо остановить.

Выбрав несколько огневых позиций во ржи, восточнее перекрестка дорог, спускавшихся с высоты, оборудовав несколько ложных позиций, командир определил рубежи и ориентиры.

"Бой будет тяжелым, - говорил лейтенант своим боевым друзьям. - Но мы должны их остановить. К Сталинграду им нет пути через наши рубежи". Шуклин вспомнил в эти короткие минуты своих родных, Сибирь. Вспомнил он, как их провожали земляки. Шуклин сказал тогда томичам: "... Можете не сомневаться, что все мы, отъезжающие сегодня на фронт, доверие, оказанное Родиной, оправдаем".

... Из-за гребня высоты показались немецкие танки, а за ними бронетранспортеры с пехотой. Шуклин и его товарищи подсчитали силы врага. Три десятка танков и 15 броне -

транспортеров двигались к ним. "Пора", - подумал Шуклин и командовал: "Огонь". В тот же миг головной танк окутлся пламенем и дымом. Второй выстрел. Снова горит танк, на этот раз тот, что замыкал колонну. Быстро сменив огневую позицию, артиллеристы ведут стрельбу с другого рубежа. Снаряды со снайперской точностью поражают технику врага. Фашистские танкисты в замешательстве сбились в кучу. Затем повернули в сторону от дороги. Но повсюду их настигали выстрелы невидимого орудия. Вот уже горит 7 танков. Обливаясь кровью, упали наводчик и подносчик снарядов. Убит заряжающий. Казалось все кончено, но орудие бьет по врагу. Черными факелами горят еще три танка. Невиданная схватка одной пушки против 30 танков закончилась полной победой советских воинов. 14 танков и 3 бронетранспортера были уничтожены. Фашисты в панике отступили. Они долго не решались вновь штурмовать этот рубеж. Подвиг Шуклина стал известен всему фронту и всей стране. Д. Бедный посвятил И. З. Шуклину стихотворение. Художник С. Валущий написал картину о подвиге расчёта И. З. Шуклина.

Герой Советского Союза Илья Захарович Шуклин со своими боевыми друзьями неоднократно отмечался командованием за доблесть и мужество, проявленные в уличных боях в Сталинграде...

Биография Георгия Ельцова / р.1914/ всегда была тесно связана с литературной работой./Газета, радио, телевидение, театр/. Печатался на страницах областной и краевой печати Томска, Новосибирска, Иркутска, Барнаула. В альманахе "Молодость" впервые участвовал в студенческие годы, когда он учился на филологическом факультете Томского пединститута.

Член Союза журналистов СССР Георгий Ельцов принимал деятельное участие в судьбе нашей славной землячки Марии Октябрьской, очерк о которой и предлагается вашему вниманию.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

Нужно так любить свою отчизну
 Вовсе забывая о себе,
 Чтобы и в огне прощаясь с
 жизнью,
 О ее заботиться судьбе.

Среди многочисленных имен воинов, защищавших советскую отчизну в годы Великой Отечественной войны, ярко сияет имя нашей землячки гвардии сержанта, водителя танка Т-34, Героя Советского Союза Марии Васильевны Октябрьской.

До войны она жила в Севастополе, любила море, игру лунного света на крутой волне, шум прибоя, скрежет якорных цепей и огонь маяка, ночное мерцание звезд в глубине южного небосвода.

Одна из самых ярких - принадлежала им с Ильей. В пору первых встреч уговорились они: при каждой разлуке этот далекий огонек станет путеводным. В нем будут встречаться их взгляды во время плаваний Ильи.

В осенние штормовые ночи, тревожно прислушиваясь к яростным ударам волн о гранитную набережную, - Мария опускала на окна плотные занавески, склонялась над шитьем. Среди жен командиров она славилась вкусом в одежде, убранстве жилища, была искусной рукодельницей. На выставках её работы привлекали общее внимание.

Уютно и спокойно в квартире, где она хозяйкой. Текинский ковер во всю стену - подарок мужа. Значок Ворошиловского стрелка на физической блузе - её подарок мужу. Она-жена командира и помнит седые камни Севастополя

обильно политы кровью ...

Тяжелые гроздья винограда на склонах гор стали зеленовато-прозрачны подобно морской волне. Когда пришла война к запаху водорослей на бульваре примешивался аромат зацветающих магнолий. В грохоте бомбежек, в шквалах артиллерийского огня превращались в руины исторические памятники, дворцы, жилые дома. Город, на узкой прибрежной кромке суши, защищался героически.

... Томск, куда её доставил поезд, стоял в убранстве северной зимы, без переполнен эвакуированными, напряженно жил и трудился.

Стала работать телефонисткой. Во время дежурства на станции принесли пакет. Командование извещало о тяжелой утрате. В боях за Родину смертью храбрых погиб её муж, полковой комиссар Илья Федорович Октябрьский ...

Участницы женского съезда в Новосибирске помнят делегатку из Томска - Октябрьскую. Она вошла последней и заняла своё место за столом президиума. Взгляд черных глаз задержала на копьях античных статуй, позади амфитеатра, и часто во время заседания обращалась к ним взглядом.

Защитная гимнастерка туго стянута ремнем на талии. Похудевшее лицо в темных завитках коротко подстриженных волос неестественно спокойно. Казалось, оно жило отдельно в этом многолюдном зале, среди двух тысяч женских лиц.

На съезде матери, жены и сестры фронтовиков рассказывали о том, как справляются они с тяжелыми мужскими профессиями: добывают уголь, плавят сталь, изготавливают снаряды, на суровом сибирском морозе возводят стены ^{кирпичные} заводских

цехов, работают на сложных станках оборонных заводов.

В перерыве делегатки познакомились друг с другом. Участница гражданской войны, жена руководителя сибирских партизан беседовала с ленинградской - слесарем завода, изготовлявшего снаряды. Старая подпольщица-большевичка, исколесившая полмира в вынужденных скитаниях до революции, распрашивала о чем-то кулундинскую крестьянку, первый раз попавшую в большой город. Жена прославленного полководца, имя которого часто упоминалось в сводках Отечественной войны, черкешенка по национальности, зябко куталась в пушистый мех, слушала маленькую круглолицую старушку с добрыми, ласковыми глазами.

От одной группы женщин к другой переходила Мария, прислушивалась.

После перерыва слово предоставили ей - представителю томской делегации женщин.

До неё много горячих, взволнованных выступлений прозвучало с высокой трибуны. Она заговорила медленно, как бы раздумывая над каждым словом. Печально и строго в притихшем зале звучал её голос. И по мере того как она говорила, многие лица бледнели, сжимались сердца. И куда бы она не посмотрела, в любом уголке огромного зала встречала ответные взоры, полные горячего сочувствия.

Хрустальные люстры искрились огнями в вышине. Слезы переполняли глаза женщин. Горе было общее и ненависть безраздельна.

После заседания делегатки вносили деньги на самолет "Сибирячки - фронту". На столе президиума выросла куча денег. А женщины всё поднимались к столу и доставали новые

пачки. Самолет был куплен и женщины ездили вручать его экипажу.

Здесь, на съезде Мария Октябрьская приняла решение. Её муж был воином. Она — жена — будет мстить за его гибель, за боль непоправимых, невозвратимых утрат. Её место в рядах защитников Родины!

... Томичи находили странным образ жизни, который вела Мария Васильевна. На службе она соглашалась отдежурить две смены подряд, чтобы потом иметь сутки свободного времени. Ночи просиживала, склонясь над куском полотна, быстро набрасывая стежки. Что за пристрастие к рукоделию во время войны?

Когда её спрашивали об этом, коротко объясняла:

— Успокаивает нервную систему.

Даже во время войны, находились покупатели на вышитые ею салфетки, скатерти, наволоки.

Склонясь над работой, она видела небо над крымской землей. Багряный закат за скалой. Седые клочья тумана в сером ущелье. Тухлое золото осенних лоз. Капли росы на лепестках цветов. На вышитые магнолии падала скупая, тяжелая слеза.

Неповторима жизнь, подарившая ей в прошлом столько радости, такое полное ощущение счастья. Благословенна жизнь — непрестанное стремление к цели. Весь образ её жизни, такой, казалось, далекий от всего, чем жили другие, был подчинен одной цели.

... Телеграмма была опубликована в газетах, сразу после женского съезда. Мария Октябрьская сообщала Верховному Главнокомандующему о том, что внесла пятьдесят тысяч рублей на построение танка и просила направить её на фронт водителем

машины. "Имею специальность шофера, отлично владею пулеметом, являюсь ворошиловским стрелком, - писала она.

Теми же днями был получен ответ.

" Томск. Марии Васильевне Октябрьской.

Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет. Иосиф Сталин".

На Урале, прямо с заводского конвейера танкостроители вручили ей новую стальную крепость, её собственную. Перед глазами над рычагами управления она прикрепила портрет мужа. На броне выведена надпись "Боевая подруга". Экипаж - молодые танкисты - успели проникнуться уважением к водителю, но ведь еще неизвестно, как они поведут себя в бою. Скорее на фронт! Скорее испытать себя, проверить ...

Огневая линия летних сражений сорок третьего года шла от Таганрога к Орловско-Курской дуге. Ускоренным маршем, не зная отдыха, танк "Боевая подруга" прошел расстояние в 1400 километров до степи, где в бою погиб комиссар Октябрьский.

Первое боевое крещение она приняла неподалеку от могилы мужа. С поразительным для женщины спокойствием и выдержкой Октябрьская маневрировала в первом бою. Сначала снаряды танка рвались в гущу фашистских подразделений. Потом грозная машина врезалась в боевые порядки пехоты врага. Танк яростно утюжил передовые позиции. Его гусеницы стёрли с лица родной земли сотни вражеских солдат.

Суров, опасен и труден боевой путь танкиста-мужчины. Во много раз труднее он для женщины. Ей тридцать восемь лет.

Членов экипажа ласково называет "сынками", подбадривает усталых, приунывших. Говорит о терпении, выдержке. Так содрагается от взрывов. Мария Васильевна заводит разговор о том времени, когда кончится война, и все они займутся мирными делами.

Все они... Глаза, обведенные синевой утомления, останавливаются на портрете Ильи. Друг мой, не будем заглядывать вперед. Что-нибудь найдется же и ей в той, грядущей мирной жизни.

Одержанные под Сталинградом, на Кавказе, под Орлом и Курском победы вдохновляли армию. Водителю танка Октябрьской довелось испытать радость многих побед.

Бывалым, испытанным танкистом прибыла она на Западный фронт. Атаки, засады, разведка стали привычным делом. Боевые будни, напряженный труд, опасная фронтовая жизнь сроднили с экипажем. Экипаж теперь стал её второй семьей. Гвардейское соединение, куда они были зачислены - родным коллективом.

В часы затишья бесстрашный, выдержанный и строгий водитель боевой машины, примостившись где-нибудь на опушке леса, на склоне балки, стирает белье, чинить одежду своим "сынкам".

По вечерам в землянке люди писали в далекий тыл. У каждого есть там кто-то, истосковавшийся, близкий. Примостясь к огню, водитель танка пишет в Томск.

"Друзья мои! Я очень хотела бы получать письма от всех, кто меня провожал. Все вы имеете для этого возможности. Прошу, пишите, не забывайте. Если хотите знать, как я овладела танком, прочитайте газету "Известия" от 27 августа 1943 года заметку "Так "Боевая подруга". Целую. Октябрьская".

Исполнился год с того дня, когда она, в большом зале Новосибирского оперного театра во время съезда женщин-сибирячек приняла решение стать танкистом.

Это произошло в марте, на одной из дорог войны. После успешной атаки наши танки укрылись в лесу. Вечер был полон предчувствием весны, освобождения. Расгоряченные недавним боем, люди шутили, готовились к отдыху.

Неожиданно задрожала от залпов земля. Выброшенная разрывами снарядов, она осыпалась на ветви деревьев. Налёт вражеской артиллерии был ожесточенным.

Содрогнулась их бронированная крепость от близкого взрыва снаряда. Почувствовал неладное, экипаж выскочил из танка. Достаточно взгляда, чтобы понять - повреждена гусеница танка. "Сынки" немедленно принялись за исправление. Вражеские снаряды продолжали сотрясать землю. Вышла из танка Мария Васильевна. Командир башни Геннадий Ясько убеждал её, сердился :

- Сделаем без вас. Уйдите от огня !

Но её трудно уговорить. Не могла она оставаться в укрытии, когда люди подвергали себя опасности.

С оглушительным свистом пролетел над вершинами деревьев снаряд и разорвался рядом. Оглушенные взрывом танкисты не успели вернуться к прерванной работе - еще один снаряд ударил рядом, Октябрьская упала.

Очнулась в полевом госпитале. Ранение в голову только что исследовал видный хирург. Минуты её были сочтены, последние минуты славной жизни.

В холодеющие руки её вложили орден Отечественной войны первой степени. Она открыла глаза, что-то произнесла. Вручивший ей орден генерал склонился над изголовьем.

- Экипаж ... Надо наградить ... - услышал он.

- Уже награжден, - ответили умирающей.

Из под белой марлевой повязки, в угасающе взгляде прекрасных черных глаз - ответ улыбки. Уходя из жизни, она желала людям счастья.

Герой Советского Союза Мария Васильевна Октябрьская похоронена у стен Смоленского Кремля, на бульваре 1812 года. Невдалеке течет Днепр. Пройдя тысячеверстный путь, он впадает в Черное море, в одно из самых лучезарных, поэтических морей мира.

... Она любила древний Крым, любила землю Сибири, согревшую её. Была счастливой женой. В грозный час испытаний красивая, гордая и мужественная душа русской женщины нашла силы для смертельной борьбы с врагом.

ЛИДИЯ КАПА

Ли́дия Капа / р. 1949 / только начинает свою творческую биографию. Пока что её стихотворения публиковались в одной из районных газет Томской области и в многотиражной газете нашего института.

Здесь публикуется одно из стихотворений студентки 2-го курса филологического факультета Томского пед - института Лидии Капа.

С Е Р Д Ц Е

У моря, омывающего землю,
Есть много тайн, упрятанных на дне.
Есть у него прибой, штили, штормы
И лунный свет, скользящий по воде.
А у земли - неслучайные версты,
Нехоженые тропы у земли.
У весен - ослепительное солнце,
И неба глубина, и молний блеск,
Тревожно озаряющих поля.
У человека - маленькое сердце,
Но тайны ^у моря и прибоя гром,
Простор земли и небосвод весенний
Вошли в него и слитно бьются в нем!

ИЛЬЯ КУЗНЕЦОВ

Илья Кузнецов / р.1908 / свой досуг отдает творческой работе. Он пишет стихотворения, басни, рассказы; работает над повестью. Печатался на страницах сибирской краевой газеты, издававшейся ^в Новосибирске и в нашей многотиражной газете.

Внимание читателей альманаха предлагается один из рассказов, который доцент кафедры литературы Томского пединститута, выпускник нашего института Илья Кузнецов посвятил 50-летию Октября.

После выполнения задания командования партизан Эсельник возвращался с Кайбинских хуторов в таёжный партизанский лагерь. Одет он был в старенький домотканый латышский суконный костюм, на голове была тоже домашнего изготовления черная шляпа, а на ногах — легкие поршни. На душе у него было весело. Он добыл очень важные сведения о передвижении белогвардейцев и теперь спешил донести эти данные командиру отряда Гончарову. Сначала он молодецки на-свистывал какой-то мотивчик, затем чуть слышно стал напевать родные латышские песни. Ему попевали многочисленные лесные птицы; пышные березы и осины чуть покачивали одоб- рительно своими кудрявыми кронами, а притихшие ели и пих- ты, не шелхнувшись, внимательно слушали песни; лесная не- торная дорога услужливо стелила перед ним свою узкую зиг- загообразную ленту.

Вдруг впереди, на повороте дороги, из-за кустов перед ним встала фигура белогвардейского всадника. Эсельник ог- лянулся назад, а там их целая ^Аквальякада. Он бросился в сторону, в лесные чащи. Каратели белогвардейского отряда Сурова, видимо, давно уже выследили отважного партизана и теперь следовали за ним, желая установить месторасположе- ние партизанского лагеря. Неожиданно оказавшийся впереди неосторожный всадник спутал их замыслы. Партизан убежал, а они, спешившись, ринулись за ним по кустарникам, ругаясь и стреляя на ходу.

Окруженный со всех сторон, Эсельник забрел в кочковатое болото и спустился в воду, оставив на поверхности ее лишь голову прикрытую шляпой, близкой по форме и цвету к обго- релой кочке. Долго суровцы лавили по болоту, прыгая с кочки

на кочку, и никакх не могли обнаружить скрывшегося партизана. Злые и обескураженные, чертыхаясь и проклиная ускользнувшего из их рук партизана, они, прекратив поиски, направились было уже к своим коням. Но тут один из карателей наступил на черную кочку и весом своего грузного тела качнул ее в сторону. Белогвардеец упал в болото и обнаружил вместо кочки искомого им партизана. Завязалась борьба. К белогвардейцу прибежала подмога, и, окруженный целой ватагой беляков, Эсельник был пленен.

Враги пытались тут же устроить допрос пленному, требовали показать расположение партизанского лагеря. Но отважный партизан молчал, словно отроду не имел языка. Он не назвал даже своего имени. Тогда суровцы привязали его руки к хвосту лошади и повели в расположение своего полка, в село Ново-Кусково. Седок гнал своего коня, тот тащил привязанного к хвосту пленника, а едущие сзади колчаковцы подстегивали падающего человека ременными нагайками. Проезжая мимо работающих в поле крестьян, каратели подводили свою жертву к мужикам и требовали опознать личность "бандита". С таким же вопросом подъехали они и к семье Топилкиных.

Топилкины тогда жили рожь в лесном наделе Красного Поля, прилегающем с одной стороны к Цветковским хуторам, а с другой — к Прикульской тайге. Вдруг они видят: из глубины леса выехала небольшая квалкада белогвардейских конников. Между лошадьми металась человеческая фигура, а едущие с боков и позади ее всадники чем-то ударяют по очереди того человека.

— Тять ! Вець это они ? — враз было спросили отца все

дети - два сына и три дочери Ивана Топилкина.

- Молчать ! - не поднимая головы от работы, а продолжая срезать и накатывать полусноповую "горсть" соломы, тихо, но энергично приказал Иван Антонович детям. - Это они кого-то из партизан схватили. Работайте, не разгибайтесь. Между собой тоже не разговаривайте, чтобы не привлекать внимания. Пусть едут. Узнаем, кого это они повели. Надо сообщить ребятам о случившейся беде.

Но белогвардейцы не проехали мимо Топилкиных. Старший из них еще издали заорал: - А ну, прекратить работу. Посмотрите на этого человека. И если узнаете его, назовите его имя и фамилию. Молчит гад, не сказывает, кто он такой, хоть поймали с поличным. Да чтоб у меня говорить правду. Все равно мы узнаем, тогда и вам будет то же, что и ему: стенка. Мы знаем, что он партизан. Нам только фамилия его нужна и откуда, из какого села он.

За всех Топилкиных ответил глава семьи:

- Этот человек не из нашего села. И кто он такой - нам неизвестно.

- Все вы, гады, заодно, - выругался поручик и, отведя правую руку с плетью далеко за плечо ударил пожилого крестьянина. Иван Антонович не издал ни единого звука, только глаза его блеснули зло, да на лице выразилась боезненная гримаса.

- Тоже молчишь, подлюга ! Сопrotивление оказываешь, си-волапая образина. Я тебе покажу, как бандитов скрывать ! - и он стал отстегивать кобуру револьвера.

- Напрасно бьете старика. Он действительно меня не знает резко сказал пленный и замолчал, сверкнув ненавидящими гла-

вами.

О, как выразительны были в это время глаза пленного героя, когда он стоял среди врагов, привязанный за руки к хвосту лошади! Одежда была на нем вся изодрана, шляпы на голове не было, лицо все в кровоподтеках и измазано грязью; но сквозь эти кровь и грязь смотрели по-прежнему добрые и ласковые при взгляде на перепуганную семью Топилкиных и гордо-злые при взгляде на пренивших его карателей. Это были величественные глаза стойкого борца и мученика за крестьянскую правду. И видели они, казалось, в этот момент не только стоящих перед ним палачей и перепуганных энецов, а нечто большее. В них отражалась и сегодняшняя пышная прекрасная августовская природа с небольшими клочками мужицкой ржи, закатами между перелесками, с редкими стогами сена, скрывавшимися между кустарниками и осиново-березовыми рощами, переходящими в сплошную тайгу на западе. Они видели спускающееся над лесом солнце. Но не закат его, не неизбежную ночь видели они впереди. В лучах предвечернего солнца видел он завтрашний день, более светлый, широкий, теплый и ласковый, и не только непосредственно завтрашний день видел он, но и тот, далекий мирный день, когда рассеется колчаковская ночь и на земле установится своя родная Советская власть, которая установит на земле вечный мир, пришлет мужикам на помощь машины, и этот темный лес отступит в тайгу, отдав мужикам под посевы и покосы плодородные земли и травянистые луга.

Поручил что-то запутался в английских ремнях и пуговицах и никак не мог отстегнуть кобуру револьвера. К нему подъехал другой офицер, что-то сказал ему на ухо, и тот, оставив старика Топилкина, командовать отряду ехать дальше.

Эсельник, вытянув руки вперед, побежал рысью за лошадью, спотыкаясь и падая под ударами плетей и винтовочных прикладов.

Как только каратели со своей жертвой скрылись за лесом, Иван Антонович тут же послал расторопного и не могущего привлечь к себе внимание врагов двенадцатилетнего сына Митю на ближайший партизанский пост с донесением о виденном.

- Видел, как они исполосовали Карлуху? Видел. Ну, вот, значит. Беги, того, молнией на хутор Страуса и расскажи обо всем виденном дяде Вилису. А дальше, значит, он сам знает, что надо делать. Понял? Ну вот, да по дороге не ходи, а прямо перелеском.

И Митя побежал.

Этой же ночью партизаны Причульмья организовали нападение на отряд капитана Сурова в волостном селе Ново-Кусковом. Убили несколько офицеров, до двадцати солдат, несколько солдат взяли в плен, захватили два пулемета, около тридцати винтовок и много патронов, освободили группу арестованных крестьян, но Карла Эсельника они уже не спасли. Палачи замутили его в тот же день. Отказавшегося о чем-либо разговаривать с белогвардейцами, Карла Эсельника так и не отвязали от хвоста лошади. Палачи стали гонять лошадь с привязанным к его хвосту партизаном по селу, чтобы весь народ видел, как власти поступают с их послушниками. Пленный падал на землю, путался у лошади в ногах, а она била его копытами. А белогвардеец-седок все гнал и гнал бедную скотину по улицам Ново-Кускова. А сзади едущие офицеры не только избивали несчастного плетями и прикладами, но и топтали его копытами своих упитанных лошадей.

Так и умер герой-партизан, не сказав ни единого слова врагам, не издав ни единого стога. Умер в свои двадцать лет, умер еще не долюбив, много не сказав добрым людям, много не совершив. Но он совершил великое, вечное, незабвенное. Он завоевал Советскую власть, которая дала людям свободу и счастье !

ТАМАРА ЛИПУХИНА

Тамара Липухина / р. 1948 / делает свои первые творческие шаги. Печататься начала на страницах многотиражной газеты Томского пединститута.

Внимание читателей предлагается одно из стихотворений студентки 2-го курса филологического факультета Томского пединститута Тамары Липухиной.

Р О М А Ш К А

Нежная сибирская ромашка,
Немигающий оранжевый глазок,
Белизной манящая рубашка,
Можно сворожу еще разок ?

Что же ты молчишь, моя хитрушка ?
Или, может, так же счастья ждешь ?
Милая ромашечка-подружка,
Очень верю - ты его найдешь !

Член Союза писателей СССР Евгений Осокин/ р.1926/ является автором значительного числа произведений. Среди них повести "Алеет Восток", "Тайна зыбуна", роман "Судьбы людские", несколько книжек очерков. В течение длительного времени работал в редакциях и издательствах. Книги Евгения Осокина издавались в городах Сибири, Дальнего Востока, а также в Москве. Основу тематики книг писателя составляют события и люди наших дней. В последнее время наметился также интерес и к народному творчеству, его изучению и литературной обработке. В нынешнем, юбилейном году в Барнауле выходит книга легенд и сказок сибирских народов - "Тумадан и Капишка". Фрагмент из нее Евгений Осокин, в прошлом студент-заочник филологического факультета Томского пединститута, предоставил данному альманаху.

ТУМАДАН И КАПИШКА

"Шли татары на Васюган. Выехали на галью^{1/}, разогнали коней. А был туман и татары не видели яра ..."^{2/}

Из ханты́йского предания .

Прослышан хан Кучум про древнее и богатое ханты́йское село Айполово. Послал лучников своих. Ехали, ехали ханские люди по тайге - перекалечили степные скакуны ноги, еле назад выбрались. В другой раз послал воинов хан - в болотах чуть не позавязали. Вернулись, хан совет собрал.

- Как так ? - брызнул слюной от злости. - Полмира прошли кони великого Чингиза, а разве мои табуны не от тех кобылиц ?

Молчат воины, виновато склонили головы.

Тайга не меряна - ой - ей ! - не обьедешь, болота - збуны не считаны - в год не обойдешь.

- Дорогу найти надо, - произнес наконец один.

- Проводника изловить, - подсказал другой.

- Ищите, ловите ! - скривил губы хан.

Поскакали в разные стороны лазутчики с приказом: найти, схватить человека из тех мест. На всех известных речках засады сели. Долго караулили, но выждали, видят: плывут на обласке двое: один старый, другой молодой. Это шаман Капишка плыл с сыном айполовского богатыря Тумаданом. Бросились ханские люди в воду, схватили их.

- Откуда ?

- Айпо ... - пробормотал Капишка и осекся под гневным взглядом Тумадана.

1/ Галья - чистое место.

2/ Архив проф. Я.Р. Кошелева.

Обрадовались татары, посадили пленников на запасных коней, поехали. Привезли к хану. Капишку вывели вперед.

- Говори! Награжу! - коротко приказал ему Кучум. Где проехать на конях?

Молчит Капишка, вроде с мыслями собирается, а сам думает: "Проведу чужеземцев, разграбят они село. Убьет его тогда Тумадан. Вот если убрать Тумадана ... руками татар? Поверят ли?".

Меж тем глаза хана наливаются кровью.

- Говори! Отрублю башку! - рявкает он.

Просит Капишка разрешения покамлать. Кучум кивнул. Спешить некуда. Пусть его позабавит.

Капишка натянул на голову кацычан ёк /шаманью шапку/, достал из турсука бубен и пьяный гриб панг. Торопливо съел гриб, потряхнул бубном. Дряблые щеки шамана порозовели, блеснули глаза... Пляшет он, мечется по кругу, воздевает руки к небу и то исступленно кричит, то, уподобляясь шипящей змее, шепчет:

- Кызынчай ном, кызынчан сей, кызынчан мерг ... ^{1/}

И в такт словам бьет в бубен, щурит подслеповатые глаза; на перекошенных губах выступает пена. Подлетая ближе к хану, Капишка по-собачьи преданно смотрит в глаза, шипит беззубым ртом:

- Скоро ... осень - грязь мерзнет ... По Кривому болоту

Снова глубоко взрывается бубен, и гортанный крик заставлял вздрагивать ханскую челядь:

1/ Небесный бог, небесный глаз, небесный ветер /хант./

- Ном тельриан ! Ном кеттемба ! ^{1/}

Развеваются полы суконного халата, Капишка вихрем полетел к хану :

- Осень ... Айпол сам поведу ... Ном ыэчжин !
Ном ыэчжин ! ^{2/}

Капишка в изнеможении падает на колени, бормочет :

- Ном ыэчжин, ном ыэчжин ...

Молод Тумадан, неопытен смотрит на Капишку : Большой шаман, настоящий. Сам бог говорит с ним !

Дал знак Кучум, и пленников отвели в юрту, стражу поставили.

Неделю так сидят они, другую. Кормят их, не обижают. Провертел Тумадан костью дырочку в шкуре, лежит, смотрит в небо. Думает о родном Васюганье. Капишка спит, всхрапывает изредка.

Вдруг Тумадан слышит: по-хантыйски шепчут. Смотрит : служанка хана присела у юрты.

- Брат ...

- Слышу! Говорит, - откликнулся.

- Капишка предал род свой. Как застынет болото, поведет ханских лучников в Айполово ...

" Капишка, большой шаман... С богом говорил..."

- Врешь !

Пропала служанка с глаз - осерчала или стражу увидела. Обидно Тумадану. "Брат" - и обман. Зачем?. Капишка все время с ним, на глазах. Когда предал, зачем предал ? Эх, бабы, язык без костей ...

1/ Бог светит ! Бог наказывает !

2/ Бог сказал !

Много ли, мало ли времени прошло - слышит Тумадан знакомый голос:

- Брат ...

Привстал Тумадан, видит: в руках служанки кусок медвежьей шкуры.

- Если я обману, пусть найдет меня медведь и поступит со мной так же ... - и она рвет зубами шкуру и летя клочья шерсти ...

Знал Тумадан: нет слова верней, нет клятвы страшней этой. И верит и не верит Тумадан.

Говорит:

- Ладно. Как звать тебя?

- Альника.^{1/} - И еще горячей шепчет:

- Лепешки вот... Дай Капишке: умрет! И бежим с тобой.

Взял Тумадан лепешки, повторил:

- Ладно... Буду ждать тебя, Альникуль ...

А ночь выдалась морозная, луна вышла. Осецлали ханские лучники лучших скакунов. Капишке и Тумадану тоже дали коней. Взглянул Старшой на Капишку.

- Веди!

Побелел Капишка, всхлипнул даже:

- Упаду ... Разобьюсь ...

"Хитрит, старик, - думает Тумадан. - Ехать не хочет. Обманула Альника." Но лепешки взял, спрятал за пазуху. Поговорили воины хана по-своему, и один, такой же худой, посадил Капишку позади себя. Поехали. Ночь скачут, а день пригреет, на еланях пиду варят, спят. Видит Тумадан:

1/ От альни куль - утренняя заря.

правильно едут, еще ночь — и Айполово будет. Решился, достал на привале лепешки, подал одну Капишке.

— Ешь. Вкусная.

Сунул Капишка лепешку в рот, а она зачерствела, высохла от тела молодого, горячего.

— Потом ... Размочу, — улыбнулся Капишка и сунул ее в турсук.

Поехали дальше. Как-никак, а двое не один, устал конь под Капишкой и его хозяином, отставать стал. Оглянулся Старшой что-то спросить, а Капишка чуть не в хвосте — в промозглom предутреннем тумане лишь смутно маячит голова его.

— Веди! — приказал он Тумадану.

Впереди падь непролазная, согры. А за кустами ровный высокий луг, за ним — яр и родной Васюган плещется. А подалее чуть, в получасе езды ...

— Ты не спи! — зло окликнул его Старшой, когда конь Тумадана уткнулся в куст.

"Предал, Капишка, предал!" — понял Тумадан. Ехал он, прокладывая путь ханским воинам, а в глазах стояла Альникуль, веселые сородичи, отец с матерью ... — "Вот они минуют согра, свернут налево и ..."

— Айполово скоро ... говорит он Старшому.

— Айпол, — прокатился глухой говор по цепи.

"Предал Капишка" ...

Редеет согра... Густой молочный туман валом катится с Васюгана.

Подтягиваются чужеземцы, пробуют в ножнах сабли.

— В Айпол — мои враги, убили отца, — говорит Тумадан.

— Сердце требует крови... Прикажи дать саблю!

- Месть - хорошо! - улыбнулся Старшой, бросил ближнему:
Дай!

И у самого уже сабля в руках, у других луки наготове.
Тумадан хлестнул нагайкой коня, вскинул саблю.

- Вперед!

- Алла!

Вихрем взметнулась цепь; обгоняя друг друга, летели воины Кучума за Старшим и Тумаданом вперед, в молочный туман, за которым кровь, богатая добыча, пленницы ...

- А - а!

- А - а!

Рев, стон - не разберешь в тумане: то ли лучники вошли в боевой азарт, то ли жертвы их хрипят предсмертно...

... Падали и падали ханские кони на Тумадана - сына богатыря - под десятисаженный яр, и только мертвые тела достигали порой, чистых вод Васюгана ...

ЛЕВ ПИЧУРИН

Для математика по профессии Льва Пичурина/р.1928/увлечение литературой и искусством является необходимой и радостной потребностью. И может быть не случайно то, что выяснение одной чисто профессиональной истины привело его к интересной литературно-творческой задаче - рассказу о жизненном пути нашей землячки, выдающейся советской писательницы Галины Николаевой. Постепенно Лев Пичурин, незаметно для себя самого, стал исследователем жизни и творчества писательницы. Часть богатейшего материала, собранного им, войдет в книгу о Галине Николаевой, над которой он работает в настоящее время.

Фрагмент из этой книги заведующий кафедрой элементарной математики и методики преподавания математики, доцент Лев Пичурин, бывший студент-заочник физико-математического факультета Томского пединститута, предоставил для нашего альманаха.

Делай! Украшая землю и
жизнь! Сей хлеб, если ты агроном,
строй ракеты, если ты ракетчик,
борись за большую правду, за добро
и справедливость, если ты писатель!

Делай !

И ни в чем не ищи себе оправда-
ния, если делаешь плохо.

/ Г. Николаева /

"НАПИШИТЕ ОБ ЭТОМ КНИГУ!"

Осенью 1962 года у меня произошла неприятность. Профес-
сор Владимир Модестович Брадис / "тот самый", как я потом
отвечал своим ученикам на вопрос: " Не тот ли, который при-
думал таблицы Брадиса? /, рецензировавший мою работу, нео-
жиданно прислал отзыв, смысл которого можно передать секра-
ментальной фразой: " Работа проделана большая, но так дело
не пойдет". Последовавший обмен письмами привел меня в
Москву, в большой серый дом на Арбате, где Владимир Модес-
тович, постоянно живущий в Калининe, но часто бывавший в сто-
лице, назначил мне встречу. Дверь квартиры № 45 открыла по-
жилая женщина невысокого роста с удивительно молодыми гла-
зами.

- Вы к Владимиру Модестовичу? Проходите, он вот-вот бу-
дет.

Действительно, через несколько минут мы уже спорили- я
доказывал свою правоту, "Модестыч" - справедливость своих
замечаний. Впрочем, "высокие договаривающиеся стороны" бы-
стро пришли к соглашению, результатом которого были доволь-

ны обе - я вскоре защитил диссертацию, а Владимир Модесто - вич не поступился своими принципами.

Хозяйка квартиры не вмешивалась в наши разговоры и лишь один раз, услышав, что я из Томска, оживилась:

- А ведь я когда-то была в вашем городе и даже учитель - ствовала в деревне Усманке. Знаете такую ?

Усманки я, разумеется, не знал, из вежливости пробурчал что-то вроде : "Неужели ? Где только не встретишь земляков ! " и этим ограничился.

Прошло около трех лет. В марте 1965 года я получил от В.М. Брадиса письмо, содержащее совершенно неожиданную для меня просьбу.

Дорогой Лев Федорович !

Надеюсь, что Вы получили мое письмо от 18.1.65г., которое я отправил Вам в ответ на Ваше письмо от 27.12.64.

Сейчас хочу просить Вас об одном одолжении.

Вы когда-то давно были для беседы со мной в квартире на Арбате, где я останавливался у своей старинной знакомой Мелитины Венедиктовны Волянской, матери писательницы Галины Евгеньевны Волянской, известной под псевдонимом Галины Николаевой. Эта писательница скончалась около года тому назад, и ее матери стало известно, что в Томске местное телевидение имеет какие-то планы по сбору материала для телепередачи, посвященной ее памяти. Так вот, зная о Ваших связях с томскими радио и телевидением, хочу просить Вас не отказать помочь матери покойной писательницы связаться с теми, кто этим ведает, так как мать имеет много интересного материала, который томичи могли бы использовать.

Мне известно, что во многих пединститутах на кафедрах

литературы собирают материалы по биографии этой замечательной советской писательницы. Возможно, что и в Томске, где должны интересоваться сведениями из жизни Галины Евгеньевны, уроженки деревни Усманки /где-то около границы с Кемеровской областью, на реке Яе, где работала учительницей ее мать/, такая работа ведется. Очень буду Вам признателен, если Вы можете матери писательницы установить связь с телевидением и томскими литераторам.

Буду рад получить от Вас какой-нибудь отклик.

С искренним уважением и лучшими пожеланиями

Ваш В. Брадис.

Вот тут-то я спохватился! Быть в доме матери одной из самых популярных советских писательниц и ни о чем не спросить! Как я не сообразил, что ведь не зря же В.М.Брадис в свое время представлял "Битву в пути" на Ленинскую премию, да и сам я хорошо помнил, что Николаева-псевдоним и что она имеет какое-то отношение к нашей области. Но заниматься самобичеванием было поздно.

На кафедре литературы Томского педагогического института творчеством Николаевой не занимались. В университете упоминание о ней тоже не вызвало особого подъёма.

- Николаева? Да она и не в нашей области родилась-то. Она из Псковской губернии, - сказал мне один знакомый литератор.

- Галина Николаева родилась на Алтае в 1914 году в семье польского дворянина, сосланного в Сибирь после событий 1863 года, - заявил другой.

- Она родилась у нас в Усманке в 1911 году, отец у нее

На снимке: Дом, где Галина Николаева провела свое детство /1914-1920 гг./. Ныне здесь помещается Томский институт курортологии министерства здравоохранения РСФСР, ул. Розы Люксембург № 1.
Снимок 1907 г.

учитель, сообщил один из наиболее эрудированных товарищей.

В студии телевидения твердо знали, что Галина Николаева родилась в Томской области, кроме того, студия первой в Союзе поставила "Наш сад". Довольно смутными сведениями обладали и работники областной газеты, но, как и полагается газетчикам, мгновенно ухватились за многообещающую тему. Все это дало мне право написать В.М.Брадису, что в Томске действительно занимаются биографией нашей землячки. Отправив письмо, я счёл свою миссию законченной.

Но не тут-то было - она еще только начиналась. Вскоре я получил письмо от самой Мелитины Венедиктовны Волянской.

"Я хотела бы, - писала она, - оказать материальную помощь в размере/пока/ шести тысяч рублей какому-либо просветительному учреждению: библиотеке, клубу, школе, техникуму - кому Вы найдете наиболее целесообразным и отвечающим моему желанию: хочу, чтобы сибиряки лучше знали и любили мою Галину - человека выдающегося таланта, большого сердца и сложной судьбы... Возможно, что и после моей смерти будут поступать суммы на мой счёт, хотелось бы и их завещать сибирякам. Как это сделать ?

Вы знаете, как это сделать? Я не знал, хотя советов и проектов услышал немало, в том числе и довольно фантастических. Наиболее толковое предложение высказал секретарь Томского райкома КПСС Виталий Фаддеевич Янович, видимо, первым понявший, как важно для руководимого им района воспользоваться не столько деньгами / в конце концов, эта сумма не может определить районные планы/, сколько именем выдающейся землячки.

Нечего гадать. Завтра с утра едем в Асманку, посмотрим на месте, там и решим, — и мы втроем, В.Ф. Янович, журналист Б.Р. Бережков и я, поехали в Усманку.

К этому времени я уже знал кое-что об Усманке и Усманском одноклассном училище. Как мне рассказали наши краеведы, деревня была основана в 1856 году, в интересующее меня время было в ней 46 дворов, 267 жителей, имела деревня более двух тысяч десятин земли. Училище было открыто в 1903 году в деревне Еловке, а в 1909 году его перевели в Усманку, отпустив на содержание 700 рублей от казны. Что-то там сегодня?

Усманка оказалась маленькой деревушкой на высоком берегу Яи, место удивительно живописное, так и просящееся на полотно Левитана. В центре — небольшое здание школы. Учительница работает здесь недавно, о Николаевой слышала что-то, но ничего определенного сказать не может. Всезнающие ребяташки — сельское справочное бюро — направили нас к старейшему жителю Усманки Григорию Константиновичу Васильеву.

— Давно ли вы живете в Усманке? — спросил Виталий Фаддеевич, которого старик сразу принял за главного и разговаривал в основном только с ним.

— Да, почитай, всю жизнь.

— Школу при вас строили?

— А как же, при мне, всем миром. Нам, к примеру сказать, был урок: восьмиаршинное бревно сам из лесу привозил.

— И учительницу, самую первую в Усманке, помните?

— По фамилии — не помню, у них, у женщин, этих фамилий не больно-то поймешь, часто менять стали, а звать как —

сейчас скажу, погодите ... Мелитина Венедиктовна. Я уж у нее не учился, мне шестнадцать лет было - какая учеба, а так помню. Молоденькая с косою. Наши парни, так ничего, посматривали, бывало.

- Дети-то у нее были ?

- Девочку она родила тут у нас, да только вскорости с ней и уехала.

По дороге из Усманки мы заехали в Мазалово / это в трех километрах/, В.Ф. Янович собрал интеллигенцию села, и сразу же нашлось хорошее решение - селу нужен клуб.

Спустя некоторое время я во второй раз был у Мелитины Венедиктовны. Теперь уж я постарался наверстать упущенное - я спрашивал ее пристрастнее, чем иной следователь допрашивает свидетелей, смотрел фотографии, читал письма, слушал воспоминания / кстали сказать, Мелитина Венедиктовна - прекрасный рассказчик/. На другой день она познакомила меня с мужем Галины Евгеньевны, Максимом, помните "другом, которому я обязана и жизнью и возможностью окончить эту книгу" /"Битву в пути"/ - человеком интересным и внешне и внутренне, впрочем - читайте "Наш сад", там сказано лучше.

И вот снова весна, теперь уже 1966 года. Прошел год. Как-то так получилось, что весь этот год свободное время я посвящал Галине Волянской. Я встретился с людьми, выдевшими ее новорожденной, потом школьницей, учившими ее в школе, институте, аспирантуре, получил много писем от знакомых и/чаще/ совсем незнакомых адресатов, еще раз перечистал все ее произведения, перебрал массу архивных документов и вдруг почувствовал, что вижу и упрямого, несколько замкнутого гимназиста, сосланного в Ишим, и его невесту, взявшуюся за

На снимке: Галина Волянская /Николаева/ в год поступления в Омский медицинский институт.

Снимок 1929 г., архив Горьковского медицинского института, куда впоследствии перевелась Галина Волянская /Николаева/.

обучение деревенских ребятишек, и непокорную, гордую, обидчивую, остроумную девочку с длинными косами, тайком от отца пишущую первые стихи. Мне стало казаться, что вот уже много лет я знаю эту семью и могу рассказать о ней. Я начал выступать по радио, по телевидению, пел перед студентами и школьниками.

В мае 1966 года я выступал перед учащимися десятых классов 48-й средней школы города Томска, готовившимися к экзаменам на аттестат зрелости. Когда я закончил отвечать на многочисленные вопросы, один юноша вдруг задал неожиданный вопрос:

- А что вы со всем этим материалом будете делать?

- То есть как что делать? Ничего.

- Напишите об этом книгу!

Написать об этом книгу? О Галине Николаевой еще будут записаны кандидатские и докторские диссертации, еще будет издано не одно серьезное исследование - писатель Николаева есть явление необычное и ее творчество навсегда останется одной из лучших страниц советской литературы. Пусть это сделают специалисты.

Я же попробую рассказать о Гале Волянской, девочке из глубокой сибирской деревне, прожившей не очень долгую, трудную, яркую жизнь, бывшую Человеком и в большом и в малом, перенесшую много страданий и горя, отдавшую свою жизнь и талант советскому народу. Я попытаюсь написать о тех, кто внушил ей веру в добро и непримиримость ко злу, кто помог ей стать из врача-диетолога Галины Евгеньевны Волянской писателем Галиной Николаевой.

Писательскую известность Николаю Попову /р.1910/ принесла повесть "Дочь учителя", дважды изданная в Москве, а также вышедшая в некоторых зарубежных странах. В этом произведении рассказывается о молодой учительнице, работающей в тяжелые годы Великой Отечественной войны. "Дочь учителя" как бы определила и тематику последующих книг писателя, в большинстве своем связанную со школой. Это не случайно, ибо автор много лет работает в области народного просвещения.

В Томске были изданы также такие его книги, как "Повести и рассказы", "Школьные буцни", "Костры над Чиммой".

В альманате "Молодость" участвует второй раз. Заместитель директора Томского областного института усовершенствования учителей, выпускник филологического факультета Томского пед-института Николай Попов для нынешнего альманаха предоставил один из своих рассказов.

- Слово? ...

- А то нет? Рыба к ней сама на крюк идет. - Он поплевал на червяка и добавил с завистью. - Как Сафронихе не рыба-лить!... От государства пособие получает, в чужом доме живет. Ну, и приговаривает окуней.

- Вон как! А подойти - не рассердится?

- Иди, она в приметы не верит, советская бабка.

Характеристика была черезчур странной. Рыбу приговаривает, в чужом доме живет, и при этом бабка советская.

- А как зовут рыбачку?

- Я ж говорю - Сафрониха, а зовут то ли Дарьей, то ли Марьей, - повел плечами старик. - Вспомнил!.. Марьей! С моей старухой в один день именинница.

Когда я подошел к рыбачке, она ловко вывела правой удочкой двух красноперых красавцев, не успела их снять, потянула левую и еще вытащила серебристого чебака.

- Здравствуйте Марья Сафроновна! Не помешаю, если посмотрю?

- Здравствуй, сыночек, здравствуй! Смотри на здоровье, коли охота есть, - приветливо сказала она и, опуская чебака и окуней, приоткрыла корзину, стоящую в воде. Половина корзины была заполнена рыбой, садок забурлил, встречая новых пленников.

- Не сглазишь! ...

Глубокие карие глаза, улыбаясь, глядели прямо. Хорошие чистые глаза, наверно, много видевшие и не состарившиеся. Лицо от улыбки тоже стало молодым, только очки со стальными дужками немного старили его. Одежда Сафрониха была тоже не

по-старушечьи. Красная косынка, мужской пиджачок, ботики. Всё не новое, но чистенькое, ладно подогнанное к фигуре.

Рыбачка играючи вытаскивала одного окунька за другим, а я стоял, боясь помешать ловле. И только когда поплавки замерли, мы заговорили о том, о сем : о погоде, урожае картошки, о ягодах и грибах. Собеседница оказалась словоохотливой. По всем приметам осень будет ранняя - гуси по зорям загомонились, березы желтеют с верхушек, иней рано упал.

- Вы здешняя, Мария Сафроновна ?

Она покачала головой.

Нет, милый, дальняя, да уж теперь вроде сибирячка.

- А чего на Чаю приехали?

Рыбачка грустно улыбнулась и заговорила певучим голосом.

- Много людей по белу свету раскидала война... Жила на Смоленщине, звеньевой в колхозе работала, муж - бригадиром. Сына Гришу растили. Смирный рос, всё портреты рисовал, на художника собирался учиться. Только десять классов кончил, вечером аттестат принес, а на утро - война. Мужа в тот же день призвали, а через месяц Гришу - в военное училище. Осталась одна-одиошенька, тут немец подходить стал. Председатель колхоза Николай Савельевич и говорит: "Ночью мужики в лес уходят, пойдешь с нами, Маша? Ну, и пошла, четыре года партизанила. Кашу варила, рубахи стирала и в бою побывала. Всякое пришлось...

Она замолчала, закусив губу. Чистые глаза затуманились, из груди вырвался вздох.

- Отвоевалась, вернулась домой. А вместо дома угли да печка с трубой. Что муж погиб, еще в отряде узнала, а тут в сельсовете мне похоронную на Гришу отдают. Помутилось в

голове, не вижу ничего. Пришла на пожарище и упала на голешки...

По лицу женщины покатались слезы, горло судорожно вздрагивало. С минуту она сидела безвольная, словно окаменелая, потом зачерпнула пригоршни воды, напилась умилась.

- Извиняйте ! ... Про чужое горе кому охота слушать...

- Да что вы, Марья Сафроновна! ... - виновато сказал я и выругал себя. Пристал с разговорами!..

Рыбачка перекинула удочку и долго молчала.

- Да ведь как-то жить надо ... Сестра из Сибири стала звать к себе, я и приехала. Годов двенадцать в артели на Оби рыбалила, можно бы еще, да ревматизм мучить стал, запретили доктора на воде быть. Провоцили на пенсию, самовар, радиоприёмник подарили. Сестра умерла, зять женился вдругорядь, уехал. Вот и живу на Чае...

- Одна и живете? - опять не удержался я.

- Ан, не одна !.. Женщина вся засветилась радостью и словно помолодела на десяток лет. - Не одна!.. Видишь, как было, сынок ? Набрала я как-то малины, принесла в детский дом. Обцелила ребят, разговариваю, а девчоночка одна Саня по шестому году так и вьется возле меня. Волосенки, что куделька, лава вострые, ласковые. Обняла меня, не отходит ни на шаг. Пошла я домой, эта Саня увязалась меня провожать. Я говорю директорше: "Дозвольте, к вечеру вашу Саню верну". Привела девчоночку домой, напоила чаем с вареньем, она смотрит на меня жалостливо. "Бабонька, я с тобой буду жить. В детдоме хорошо, а у тебя лучше".

Екнуло у меня сердце - судьба дочку дает. "Ладно, говорю, Санечка живи!" Сунула мне голову в колени Саня и уснула.

... Стали удочерять, инспектор в районо заушрямился. Стара, шестьдесят второй стукнул. До прецедателя райисполкома дошла. Алексей Иванович меня знает. "Марья Сафроновна, говорит, еще на свадьбе у этой девочки спляшет". Удочерили, второй год у меня Санечка живет. Здесь она смородину рвет..

Только сейчас мы заметили, что правую удочку сильно потащило. Рыбачка схватила удилице, когда оно уже отплыло с полметра от берега. Рывок! .. Увы, вытащить рыбу оказалось непросто.

- Помогайте тянуть! - засмеялась Мария Сафроновна и, бросив удилице, принялась выводить добычу волоком за леску. Она поцтягивала её к берегу, то отпускала, кто-то большой и мильный метался на крючке вправо, влево, бурлил воду и снова тянул в глубину. Но скоро рывки ослабли и большой язь /теперь уже было видно, что это язь/ блеснул серебром чешуи на поверхности. Едва он подошел к берегу, снова отчаянно рванулся. Женщина помучила его еще немного, осторожно вывела на мель и со стремительностью дикой козы прыгнула в воду. И вот красноперый, красноглазый красавец в цепких руках, которые ухватили по его под жабры.

- Саня-я! Санечка-а! - весело закричала рыбачка.

- Угу-гу-гу! - отдалось звонкоголосое в кустах.

Из-за листьев выгуляло лукавое лицо с острым носом, и, словно ласточка выпорхнула оттуда босоногая девчонка.

- Ага-а! Попался!... У-ух, большущий какой!

-- Килограмма на четыре! - опытным взглядом измерила

его рыбацка и не стал класть в корзину / такой весь садок утянет/, а сунула в мешок захваченный, как видно, про запас.

- Завтра праздник, То ли Успенте, то ли Спас. Мне праздник не нужен. Нам с Санечкой пирог нужен! - засмеялась женщина.

- Пирог! Пи-ро-жок! - захлопала в ладоши, приплясывая, девчонка.

- Как же вы подманили его, Мария Сафроновна?

- Да как? Каши пшенной сварила, бросила в банке. Язь, видно, поужинать пришел.

Солнце спустилось за кедрочками, за лесом догорала розовая заря. Посвежело, сильнее запахло полынью и мятой.

Рыбацка смотала лески, побросала удилица в кусты.

- Приходите чай пить! Вон наш домик на горе ...

Она шла по берегу неторопливым шагом, высокая, статная, с поднятой головой. Санечка обняла её за талью, чего-то безумолку болтала и тыкалась русской головой под грудь бабушке, как тычет матку сосунок-теленочек.

СВЕТЛАНА РОСТОВА

Светлана Ростова / р.1946/ свои стихотворения посвящает разнообразным лирическим темам. Печаталась на страницах одной из районных газет Новосибирской области и многотиражной газеты нашего института.

В данный альманах вошло стихотворение студентки 4-го курса филологического факультета Томского пединститута Светланы Ростовской, с которым она выступала на городском смотре чтецов.

НАЗЫВАЮТ СИБИРЬЮ

Голубые озера,
Свежий ветер над ширью,
Мхом поросшие горы
Называют Сибирью.
Называют Сибирью
Рыбаков терпеливых,
Называют Сибирью
Шопот рек торопливых.
И красавиц березок,
И поля золотые,
И бурлящие грозы
Называют Сибирью.
Трактора и комбайны,
Степь с дорожною пылью,
Жаркий бой урожайный
Называют Сибирью.
Называют Сибирью
Дремучие ели,
Называют Сибирью
Лихие Метели.
Называют Сибирью
Самолеты, как стрелы,
Называют Сибирью
Звездолет до Венеры !

Поэтический голос Анатолия Саулова / р.1942/ с каждым годом звучит все увереннее. Его произведения появлялись на страницах "Комсомольской правды", "Сибирских огней", "Сельской молодежи" и областных газет. Сборники стихотворений молодого поэта изданы в Новосибирске и Кемерове. Он являлся участником ряда коллективных сборников, изданных в разное время в городах Западной Сибири и Москве. Сейчас готовится к выходу третий его поэтический сборник /Москва, издательство "Молодая гвардия"/. В настоящее время Анатолий Саулов работает в Кемеровском телевидении.

Анатолий Саулов с удовольствием предоставил нашему альманаху свои стихотворения, тем более что он сам, будучи студентом-заочником филологического факультета Томского пединститута, состоял в редколлегии "Молодости".

ПЕСНЯ О ТОМСКЕ

Скорый поезд в ночи,
Ты стучи, ты стучи,
Прямо в юность меня ты умчи.
Там девчонка моя,
Там остались друзья,
Томичи, томичи, томичи...
Там, где светлая Томь,
На обрыве крутом
Чье-то сердце влюбленно стучит.
Помню Лагерный сад,
Я бывал там и сам,
Томичи, томичи, томичи...
Город песен, любви,
Ты к себе позови
И гитара, как прежде звучи!
Если грустно подчас,
Вспоминаю я вас,
Томичи, томичи, томичи...
Путь - во всем нам концы.
Окрылась, как птенцы,
Из гнезда мы родного умчим.
Но и где-то уже
Все равно мы в душе
Томичи, томичи, томичи...
Если праздничный тост
Поднимаю за Томск,
Значит, он не напрасно учил.
И по всей по стране
Вдруг откликнутся мне
Томичи, томичи, томичи...

БЕЗЫМЯННЫЕ

На кладбищах

 густеют травы мятные

Весной с росистых холмиков сбегав.

Мы умираем

 чаще безымянными

На трудных, но отбитых рубежах.

Фонтаны взрывов над полями ахали,

Стволов мерцали черные глазки.

К земле горячей припадали пахари,

Как сбитые под корень колоски.

Их кровь в земле

 Им и в могилах верится,

Что сыновья дорогой их идут,

Что без пощечин бомб планета вертится,

И шмель гудит,

 И яблони цветут...

Откликнитесь,

 в семнадцато расстрелянные,

Упавшие на грудь степей растеленных

Подайте нам ладонь свою шершавую,

Погибшие под Курском и Варшавою,

На финских скалах и в песках Эстонии,

Когда метель немирная мела...

Порой случайно

 выхватит история

Немногие героев имена.

Но помним мы, шагнув уже в мужчины:

Был тыл. Налет. И грохот батарей.

И, вдруг означась,
 медленно морщины
 Текли по лицам наших матерей.
 И кто-то смелый из огня нас вынес,
 И чей-то тихий оборвался стон...
 И новый холмик у дороги вырос,
 Блестя звездой
 меж выцветших крестов.
 Гордись отцами,
 юных поколение!
 Им, мужественным, наше поклонение!
 Взрослели мы под маршами победными,
 Мы ввысь растем упрямыми побегам.
 Нам небо дай!
 Земля качнется палубой,
 Когда ракеты тронутся в полёт.
 И если кто-то,
 вдруг споткнувшись, падает,
 То кто-то новый в строй шагнет,
 вперед!

Д З О Т

Над полем битв синее высь,
 И рожь до срока косит ветер.
 И, узловатые, срослись
 Берез надломленные ветви.
 Шумит листва какой уж год,
 Зеленый полог образуя.
 Но впился в даль угрюмый цзот
 Тяжелым взглядом амбразур.
 Его ласкает солнца блик,
 Над ним полей клубится запах,
 Но, хмуро шурясь, как старик,
 Он все еще глядит на запад....

"Товарищ! Если мое письмо уцелеет и попадет в твои руки, перешли его в нашу часть, полевая почта 35731, командиру части. Я, Филипычев Василий М. и Саргаскаев Касым были здесь в бою. Когда немец перешел в контратаку, меня ранило. Касым вынес меня. За это вр. он получил три раны. Нас обнаружили, мы отбивались до последнего диска. Патроны кончились, Касым перетащил меня сюда. Уже семь часов прячемся здесь, ждем прихода своих. Верим, придете, хотя стало совсем тихо. Замерзаем, много вышло крови. Касым не дождался. Если не дождусь и я, прошу, товарищ, перешли это письмо и наши солд. книжки. Там адреса, сообщите родным про нашу судьбу. И про то, что Касым пострадал, когда выручал меня. Желаю тебе, неизвестный боец, дожить до полной победы над фашизмом и невредимым вернуться к семье. Исполни нашу последнюю просьбу. К сему Филипычев В.М."

Это письмо пришло в наш полк в конце февраля сорок четвертого года. В те дни мы стояли в одной из деревень близ Корсунь-Шевченковского, только что завершив упорные, многодневные бои, в которых было покончено, наконец, с окруженной немецкой группировкой.

Измятый обрывок нашей армейской газеты, крупные неровные буквы, карандаш кое-где прорвал бумагу... Видно, того, кто писал, не очень слушалась рука, да и писано было не за столом.

К письму было приложено другое - на странице из школьной тетради, написанное чернилами, аккуратным круглым почерком :

" Уважаемый товарищ командир части !

17 февраля после освобождения с. Комаровки в одном из домов нами были обнаружены два бойца Вашей части Саргаскаев и Филиппычев. Оба они найдены в одной из хат, в укрытии между стеной и обвалившимся потолком, где они находились, видимо, долгое время. Филиппычев имеет сквозные пулевые ранения с повреждением голеностопных суставов обеих ног и касательное ранение мягких тканей право бедра. Саргаскаев, сквозное ранение грудной клетки с повреждением внутренних органов, сквозное ранение шейных связок. Оба ранены были найдены в бессознательном состоянии, вызванном большой потерей крови и другими последствиями ранений. Особенно в тяжелом состоянии находится Саргаскаев. На ПМП^{1/} были наложены новые повязки взамен ранее сделанных ранеными самостоятельно, сделаны противошоковые уколы. Пересылаю найденное при Филиппычеве его письмо Вам. Солдатские книжки, о которых говорится в его письме, вместе с остальными документами, как положено, сданы сопровождающим. Оба раненых, по-прежнему в бессознательном состоянии, срочно эвакуированы после оказания им всей возможной в условиях ПМП медицинской помощи.

Лейтенант м/сл. Савичева".

Оба этих письма пришли уже после того, как Филиппычев и Саргаскаев были занесены в полку в список пропавших без вести.

В этот список пришлось зачислить многих, чья судьба осталась неизвестной нам после окончания консуньских боев.

Кто-то погиб и остался неопознанным, кого-то, как Филиппычева и Саргаскаева, может быть подобрали санитары другой

1/ Передовой медицинский пункт.

части...

Всех тогда взволновало письмо Филипычева. Не каждый из нас знал этих двух товарищей - солдат третьей стрелковой роты, ведь в полку много народу. Но их хорошо знал командир роты, старший лейтенант Волков.

Кто-то из бойцов спросил его тогда:

- Наверное, они старые друзья, если Саргаскаев ради товарища себя не берет?

- Нет, - ответил старший лейтенант, - Филипычев, верно, в роте давно служил, а Саргаскаев только по пути к Корсуню с пополнением прибыл. Да долго ли солдатам подружиться? У каждого в бою душа - как под рентгеном, сразу человек виден.

Правильно сказал старший лейтенант Волков. Можно прожить рядом с кем-нибудь долгие годы, да так и не узнать по-настоящему. Но, оказавшись под огнем даже с малознакомым человеком, быстро поймешь, каков он.

Солдатская дружба... Мы знаем ей цену. Крепче нее нет никакой другой на свете - потому, что огнем и кровью скрепляется она. Но не только в этом ее прочность и сила.

Через несколько месяцев после корсуньских боев, в конце лета сорок четвертого года, мы были уже далеко от родной земли. Пройдя почти всю Румынию, тесня отступающего врага, мы приближались к венгерской границе. Однажды на неубранном кукурузном поле мы натолкнулись на немцев, запрятавшихся в чаще высоких стеблей. После нашей атаки они стали удирать к лесу, что начинался за дальним краем поля. Уже на опушке мы настигли их и заставили сдаться, их было десятка три. Когда стали выстраивать пленных, чтобы вести в

ты, оказалось, что один из них получил пулю в ногу и не может идти. Раненый - юнец лет семнадцати, видимо, из последнего тотального призыва - лежал на траве, тоскливо глядя на стоявших в строю. Никто из его камрадов не выражал намерения помочь ему. Кто-то из нас, не выдержав, крикнул:

- Что же вы своего оставляете? А ну, берите!

Но три десятка здоровенных солдат и унтеров даже не шевельнулись. Никто из них не бросил ни ранца, ни котелка. Однако своего товарища они готовы были бросить. Пришлось нам выделить нескольких немцев и заставить их нести раненого. Мы, его противники, оказались к нему милосерднее своих.

Невольно вспомнился нам тогда случай с Филиппчевым и Саргаскаевым. "Человек человеку друг", - этому закону нашей жизни следовали они.

А те тридцать фашистских вояк? - "Человек человеку волк..."

Мы не однажды видели в действии этот их волчий закон. Сколько раз во время наступления находили мы на своем пути в придорожных канавах тяжело раненых гитлеровских солдат, выброшенных из санитарных повозок и машин их соотечественниками, спешившими спасти свои шкуры. Конечно, даже в фашистской армии могли найтись такие, что не оставили бы сослуживца в беде. Однако не это было правилом звериной морали соучастников в грабительской, разбойничьей войне.

Но мы вели иную войну - за свободу, против фашистского рабства.

Что может быть сильнее братства соратников в этой справедливой войне?

Кто прошел ее, тот знает - даже в самые тяжелые дни

отступления наши бойцы не бросали своих раненых товарищей. Святым солдатским законом было - жизни не жалеть друг за друга. Как бы трудно ни было, нерушимыми оставались для нас законы железной фронтовой дружбы.

Всегда готов был помочь наш солдат не только товарищу, который рядом. Грудью заслонял рядовой командира, берег командир подчиненных. Летчики старались прикрыть с воздуха свою пехоту, а солдаты не раз выручали летчиков, спрыгнувших с парашютом с подбитых машин. Огнем прокладывали путь пехоте артиллеристы, а бывало - пехотинцы на себе тащили пушки по грязи.

Кто воевал - тому известно : не только по приказу, но и по велению сердца, как братья помогали друг другу наши моряки и десантники, саперы и связисты, танкисты и понтонеры; под обстрелом доставляли все нужное отважные фронтовые снабженцы; не уступая мужчинам в мужестве, выносили раненых из под огня славные наши сестры. Подвиги совершали тысячи. Такого не может быть в армиях наших врагов, пусть там и найдутся отдельные храбрецы...

Героев Великой Отечественной войны было много. И не о всех еще известно...

Биолог по профессии Николай Тюменцев / р. 1902 / нередко выступает как литератор-любитель. Творчество в данной области, как говорят, позволяет ему открыть свою душу, дать выход своим лирическим эмоциям. Николай Тюменцев в своих очерках и рисунках обычно изображает природу, которую любит сам и любовь к которой стремится воспитать в других людях. Его очерки и рисунки публиковались на страницах районных газет нашей области, а также в многотиражной печати.

Внимание читателей альманаха предлагаются два лирических очерка профессора биолого-химического факультета Томского пединститута Николая Тюменцева.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОЛУЧИТСЯ ...

Природа во всех ее проявлениях обладает особой притягательной силой. Она заставляет человека обратить на себя внимание, полюбить ее раз и навсегда. Она не терпит вероломства. Но для того, кто ее любит, природа щедро открывает свои неисчерпаемые тайны - одна интереснее другой.

Такое отношение к природе возбудил во мне мой учитель Мефодий Константинович Калачев. Тогда мне было 8 лет. А я к учителям всегда относился с полным доверием и доброжелательством. Они в моих глазах пользовались непререкаемым авторитетом. Я быстро воспринимал их советы, выполнял требования. Очевидно я отношусь к числу людей с быстрым "зажиганием" в отличие от людей "сырых", "не воспламеняющихся", "не намагничивающихся" индуктивно. "Зажигание", т.е. реакция на явления природы вызывает разные эмоции у людей. Они выражаются, например, в песне, танце, декламировании стихов, в артистической деятельности и т.д. У многих в этом случае обнаруживаются и свои творческие порывы. Одни ударяются в лирику-стихи, прозу, другие в живопись, третьи начинают сочинять музыкальные произведения. Все это органически присуще человеку. Понаблюдайте за детьми и вы убедитесь в этом. Все названные черты обнаруживаются у них со всей простотой и непосредственностью. Надо развивать эти порывы. Конечно, у каждого есть свой потенциал умения. Но не будем относиться к этому придиричиво. У каждого душа поет. Ну и пусть поет, как умеет. У одних только для себя, у других и для себя и для других.

И я люблю при случае зарисовать интересные фрагменты,

зафотографировать, снять на пленку, записать на магнитофон, подумать над рисунками, прислушаться к голосу природы. Иной раз учишься у нее уму-разуму, или вникаешь в ее жалобы и просьбы о помощи.

Особенно вдохновляет меня природа Горного Алтая и природы Томской тайги.

Конечно, вы любите природу в различных ее проявлениях. Научитесь "зажигаться", попробуйте зарисовать что либо - лист растения, цветок, деревце. Подумайте над увиденным и опишите свое настроение в этот момент.

Если захотите, обязательно получится и рисунок и хорошая лирическая запись.

Эта речка берет свое начало в одном из ущелий Сарымсактинского хребта в Южном Алтае. На берегу ее в трех километрах раскинулась Алтайская станица. В ней я родился, провел детство, испытал первые радости, перенес первое большое горе, отсюда ушел в большую жизнь.

Вот они - родные пенистые истоки. А где истоки этих истоков? Никто из местных жителей этого не знает. И я не знаю. Где то в глубине ущелья видна подернутая дымкой гряда белков. Может быть от них и рождается Сарымсак? Нелегко туда пробраться. Нелегко! Оттуда не вытащишь ни кедрового сутунка, ни мешка шишек, ни пучка дикого лука. А они там есть. Туда не ходили даже пытливые туристы. Это кусочек моей родины. Это и есть Алтай.

Алтай! Это горные вершины, обрывистые скалы, бурные речки, быстроногие маралы, нежные кабырги, заросли лесов, это... да разве можно перечислить все, что вмещается в слово Алтай. Алтай! Какое это всеобъемлющее понятие!

С высокого Сарымсактинского хребта далеко, далеко видны шатры гор. Они кажутся застывшими могучими волнами бескрайнего океана. Вблизи горы зеленые, серые или желтые, дальше - сизые, синие, уходящие куда то в облака, растворяющиеся где-то в небе. А в ясный день четко вырисовывается сверкающая белизной главная вершина Алтая - Белуха.

Не насмотреться, не налюбоваться на эту красоту. Забыть ее невозможно. Куда бы ты не уехал, путник, навсегда в сердце своем будешь носить этот кусочек дивной природы. Он вечно

будет согревать негой своей красоты, заставляя слагать песни, рисовать картины, рождать самые музыкальные стихи, любить самой большой, самой святой, самой чистой, как алтайская вода, любовью.

Но особенно, необыкновенна алтайская летняя ночь. Теплая августовская темнота проникает во все существо путника. На черно-синем небе медленно и тяжело плывут большими круглыми овчинами облака. Тонкие оранжево-желтые лучи далеких и маленьких, редких и ярких звездочек яростными наскоками вонзаются в ночную пучину. Залесенные вершины горных хребтов сливаются с темью неба и только по сплошной беззвездной черноте гор можно найти неясную грань между царствами неба и земли. Чуть веет нежный, почти бесшумный ветерок в горной долине, журчит под ярмом речка, переливая валы свои с камня на камень. Откуда то с непродолжительными паузами доносится тоскливая трель одинокой птички.

Догорает костер на берегу Сарымсака.

Я смотрю на красные головешки лиственничных сучьев, молча впитываю ночную негу алтайской природы, ощущаю ее душевную, материнскую, ласковую власть.

И какая-то волшебная сила снимает с меня камень душевной тревоги, наполняет бодростью, силой и добротой. В единый монолит сливается все мое существо с темной ночью, с горами, с говорливой этой речкой, с лесами и травами. Я растворяюсь в них без остатка, становлюсь неотделимой частицей окружающего простора. И мне кажется - мыслит, вспоминает что-то здешняя земля, камни, даже вода этого потока.

Истоки реки Сарымсак/Южный Алтай/.Рисунок Н.Тюменцева.

Нет, Алтай не окаменелый молчаливник, он живет, ощущает свою историю, свою притягательную мощь и красоту. Проникаясь этим сознанием и я становлюсь мыслящим кусочком этой громады....

Содержание:

ЮРИЙ ЕЛЬЦОВ. Об альманахе " Молодость"	2
РУСЛАНТ БЕЛОНЕНКО. Родники. Незнакомка	6
ГЕОРГИЙ ВЛОВЕНКО. Всадник, скачущий впереди.	8
ОЛЬГА ДЗЮБЕНКО. Марьин корень. Березы	17
ВЛАДИМИР ДОСЕКИН. Томичи в боях за Сталинград.	19
ГЕОРГИЙ ЕЛЬЦОВ. Русская женщина	23
ЛИДИЯ КАПА. Сердце	32
ИЛЬЯ КУЗНЕЦОВ. За власть Советов.	34
ТАМАРА ЛИПУХИНА. Ромашка	41
ЕВГЕНИЙ ОСОКИН. Тумадан и Капишка	43
ЛЕВ ПИЧУРИН. " Напишите об этом книгу !"	50
НИКОЛАЙ ПОПОВ. Сафрониха	60
СВЕТЛАНА РОСТОВА. Называют Сибирью	67
АНАТОЛИЙ САУЛОВ. Песня о Томске. Безымянные. Дзот.	69
ЮРИЙ СТРЕХНИН. Спаянная кровью	73
НИКОЛАЙ ТЮМЕНЦЕВ. Обязательно получится. Вот они-истоки Сарымсака	79